

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

СЕКРЕТНО

Экз. № 099402 *

РЕШЕНИЕ

**КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК КПСС
ПО ЗАЯВЛЕНИЯМ т.т. КЛЕМЕНТЬЕВА Ю. В. и НАБАТЧИКОВА А. М.**

**ОБ АНТИПАРТИЙНОМ ОТНОШЕНИИ т. КАГАНОВИЧА Л. М.
К РАБОТАВШИМ С НИМ СОТРУДНИКАМ**

Исх. № П1800

Июль 1957 г.

Подлежит уничтожению на местах — в обкомах,
крайкомах партии, ЦК компартий союзных рес-
публик в месячный срок по получении

Коммунистическая Партия Советского Союза
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

от 19 июля 1957 г.

**РЕШЕНИЕ КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ
ПРИ ЦК КПСС ОТ 13 ИЮЛЯ 1957 г. О т. КАГАНОВИЧЕ**

Разослать членам ЦК КПСС, кандидатам в члены ЦК КПСС, членам Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, секретарям горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик решение Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС от 13 июля 1957 г. по заявлениям т.т. Клементьева Ю. В. и Набатчикова А. М. об антипартийном отношении т. Кагановича Л. М. к работавшим с ним сотрудникам.

Секретарь ЦК Н. ХРУЩЕВ

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

В Центральный Комитет КПСС обратились с заявлениями члены КПСС т. Клементьев Ю. В., быв. заведующий секретариатом Л. М. Кагановича, и т. Набатчиков А. М., ранее работавший в том же секретариате заместителем заведующего.

В заявлениях сообщается о том, что Каганович Л. М., работая первым заместителем председателя Совета Министров СССР, допускал в отношении подчиненных ему работников жестокость, систематические издевательства и в ряде случаев рукоприкладство. Каганович издевался над ними, постоянно обзывал их нецензурными словами и грубыми ругательствами, например: «сволочь», «идиот», «дурак» и т. п. Накануне XIX съезда КПСС Каганович, встретив в приемной т. Набатчикову, без всяких оснований ударил его кулаком по лицу, швырнул его в дверь.

В заявлениях приводятся факты рукоприкладства Кагановича к сотрудникам его секретариата — Маханько, Соковых, Балтрукевичу, Горбачеву, Булышеву и некоторым сотрудникам из его охраны.

Проверкой заявлений установлено, что факты непартийного отношения Кагановича к подчиненным ему работникам — коммунистам полностью подтверждаются. Будучи вызванными в КПК при ЦК КПСС, т.т. Клементьев и Набатчиков подтвердили все изложенное в заявлениях.

Из-за издевательств Кагановича над работниками его секретариата многие сотрудники постоянно стремились уйти на другую работу, в результате чего в секретариате с 1946 г. по настоящее время только ответственных работников сменилось: 6 чел. заведующих секретариатами, 15 чел. помощников зам. председателя Совмина СССР и 19 чел. зам. зав. секретариатом.

В Комитет Партийного Контроля были вызваны более 20 коммунистов, работавших в разное время в секретариате Кагановича, и все они единодушно подтвердили, что он систематически издевался над подчиненными.

Тов. Маханько, член КПСС с 1927 года, работая в секретариате Кагановича с 1948 по 1952 год, постоянно подвергался с его стороны надругательствам. Он пишет:

«Бывали случаи, когда Каганович Л. М., вымогая у меня признание в каком-либо несовершенном мною проступке, брал за грудь и с силой ударял всем корпусом об стену. Прodelывал он это и с другими работниками».

Тов. Балтрукевич В. Ю. сообщил в КПК, что за пять лет работы Кагановича председателем Госснаба СССР он сменил там 13 заведующих секретариатами. За время т. Балтрукевича в должности и. о. зав. секретариатом Госснаба СССР, Каганович допускал рукоприкладство к нему и к

82 об

секретарю Келареву, называл их «дураками», «идиотами», угрожал стереть с земли и посадить в тюрьму.

Тов. Лазаренко Т. И., член КПСС с 1932 г., проработавший в секретариате Кагановича в разное время более десяти лет, сообщил в КПК:

«Л. М. Каганович в обращении с работниками, работающими непосредственно с ним, применял не только грубость, систематические оскорбления и ругань, но и избиения. Лично меня во время командировки по хлебозаготовкам в 1946 г. он в вагоне ткнул кулаком в лицо и рассек губу».

Вызванный т. Симаков А. К., член КПСС с 1931 года, сообщил, что:

«Каганович издевался над окружавшими его работниками, как только мог, при этом обзывал работников садистами, бандитами, кровопийцами и идиотами. Он пугал подчиненных Комиссией Партийного Контроля и органами госбезопасности... Когда я был принят на работу в секретариат, Каганович заявил мне: «Ты учти, что меня окружали многие враги и все они были расстреляны».

Тов. Соковых М. Н., член КПСС с 1943 года, подтвердил, что Каганович постоянно называл его «сволочью», «подлецом», «идиотом», «дураком», он плакал от издевательств Кагановича, который с кулаками набрасывался на него. Соковых указывает, что время его работы с Кагановичем «является самым тяжелым периодом в моей жизни и оставило черное воспоминание у меня в памяти».

Все опрошенные в КПК бывшие работники секретариата Кагановича подтвердили, что обычным «стилем» его работы было систематическое разбрасывание бумаг по полу, швыряние в лицо докладчиков папок с документами, битье настольных стекол, вырывание телефонного шнура и электрозвонков и т. д. Каганович установил систему рассматривать в день не более 10—15 и только срочных документов, заведомо зная, что к нему поступает в десять раз больше документов, и в результате в секретариате скапливалось множество нерассмотренных документов, за что Каганович начинал расправу над сотрудниками.

Комитет Партийного Контроля 13 июля с. г. рассмотрел результаты проверки заявлений т.т. Клементьева и Набатчикова с их участием и с вызовом т. Кагановича Л. М., а также 14 бывших сотрудников его секретариата. В письменном объяснении на имя КПК и на заседании Комитета Партийного Контроля т. Каганович Л. М. признал и осудил свои поступки и обещал впредь строго учесть это и больше не повторять подобной резкости и грубости. Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС принял решение объявить т. Кагановичу Л. М. строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Н. ШВЕРНИК.

15.VII.1957 г.

РЕШЕНИЕ

КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ

при ЦК Коммунистической Партии Советского Союза
от 13 июля 1957 года

**ЗАЯВЛЕНИЯ т.т. КЛЕМЕНТЬЕВА Ю. В. и НАБАТЧИКОВА А. М.
ОБ АНТИПАРТИЙНОМ ОТНОШЕНИИ т. КАГАНОВИЧА Л. М.
К РАБОТАВШИМ С НИМ СОТРУДНИКАМ**

Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС, проверив факты, изложенные в заявлениях т.т. Клементьева и Набатчикова, установил, что на протяжении последних 20 лет т. Каганович Л. М. грубо-издевательски относился к сотрудникам секретариата и охраны. Он допускал унижительные оскорбления работников, нецензурную ругань, при докладах вырывал у них документы, разбрасывал по полу, заставлял ползать и собирать бумаги, применял рукоприкладство к т.т. Лазаренко, Маханько, Балтрукевичу, Соковых и др. сотрудникам.

Л. М. Каганович не терпел никаких возражений, и если работники защищали свое мнение, набрасывался на них с кулаками, подвергал всяческим унижениям и гонениям. Постоянные угрозы выгнать с работы, непрерывное глумление над людьми, работавшими с ним, доводили их до тяжелых нервных заболеваний.

Проверка заявлений т.т. Клементьева и Набатчикова полностью подтвердила несоветское отношение Л. М. Кагановича к сотрудникам.

Учитывая, что на заседании Комитета т. Каганович Л. М. признал и осудил свои поступки, Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС постановляет:

За поведение, недостойное звания члена КПСС, за издевательство над подчиненными сотрудниками объявить т. Кагановичу Л. М. строгий выговор с занесением в учетную карточку.

**Председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС
Н. ШВЕРНИК.**

Коммунистическая Партия Советского Союза
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

от 8 июля 1957 года

**О ПИСЬМАХ БЫВШ. ПОМОЩНИКОВ т. КАГАНОВИЧА —
т.т. КЛЕМЕНТЬЕВА И НАБАТЧИКОВА**

1. Разослать для ознакомления членам ЦК КПСС, кандидатам в члены ЦК КПСС и членам Центральной Ревизионной Комиссии письма бывш. помощников т. Кагановича — т.т. Клементьева и Набатчикова.

2. Поручить т. Швернику рассмотреть сообщаемые в письмах т.т. Клементьева и Набатчикова факты недостойного поведения т. Кагановича.

Секретарь ЦК Н. ХРУЩЕВ.

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

От члена КПСС с 1948 года, бывшего заведующего Секретариатом Л. М. Кагановича по Совету Министров СССР Клементьева Ю. В.

Я узнал о разоблачении антипартийной группировки, замышлявшей государственный переворот в нашей стране, активную роль в которой играл Л. М. Каганович. С сентября 1951 года по апрель 1956 г. я работал в Секретариате Л. М. Кагановича, вначале зам. заведующего, а с середины 1953 года заведующим Секретариатом. Поэтому я считаю своим партийным долгом рассказать Вам некоторые подробности, характеризующие Кагановича, как деспотичного и безжалостного человека, доходившего в издевательствах над своим ближайшим окружением до изощренных садистских пыток, доставлявших ему явное удовольствие.

Я пришел на работу в Секретариат сразу после студенческой скамьи, в возрасте 27 лет, с самым светлым представлением о членах тогдашнего Политбюро, как о великих людях и коммунистах. Мой отец Клементьев Василий Михайлович с 1919 года по 1946 год — по день своей смерти, проработал в Секретариате Кагановича (за исключением перерыва с 1940 г. по 1944 г.). Он никогда мне не рассказывал о методах работы Кагановича (хотя, как мне уже потом стало известно, издевательствам подвергался и он). Поэтому к Кагановичу я испытывал чувство особо глубокого уважения и, я бы сказал даже, обожания.

То, что я увидел на работе в Секретариате, нанесло мне громадную моральную травму и навсегда развеяло мои иллюзии насчет личности Кагановича. Все время работы в Секретариате я находился в состоянии глубочайшей психологической депрессии, временами доходившей до истерического состояния. Я вспоминаю эти годы, как самые тяжелые в моей жизни. Среди нас — работников Секретариата — ходила горькая шутка, что год работы под началом Кагановича отнимает 10 лет жизни.

В начале своей работы, когда заведующим Секретариатом был т. Маханько К. А. и когда меня вводили в «курс» дел, я был свидетелем изде-

8506

вательств над т. Маханько, которого Каганович иначе чем фельдфебелем, дураком или идиотом при мне не называл. По нескольку раз в день издевательства начинались с утверждения, что у т. Маханько «оловянные глаза» и он смотрит на Кагановича таким взглядом неспроста. Затем следовали длительные обвинения в предательстве, глупости, намерении его «угробить». Все это происходило с потрясениями кулаков, поднесением кулака к носу отчитываемого, а иногда и с прямыми физическими воздействиями. Каганович тряс т. Маханько за лацкан пиджака, бил в грудь, рассыпал деловые бумаги по полу и заставлял его их собирать. Было и топтание ногами, удары кулаком по настольному стеклу или телефоном, так что осколки летели во все стороны. Все это сопровождалось потоком ужасающей нецензурной брани, слышной даже в приемной. Тов. Маханько был доведен до такого состояния, что неоднократно говорил мне о намерении, если ему не удастся вырваться из этого ада, покончить жизнь самоубийством.

Тов. Маханько жив, сейчас он работает директором совхоза ЦК КПСС «Марьино» в Курской области. Он может подтвердить, что все описанное мной страдает, может быть, только мягкостью изложения.

С этого периода у меня началось нервное заболевание — экзема. В то время надо мной Каганович еще не издевался, считал меня мальчишкой. Заболел я, глядя на эксперименты с т. Маханько.

Таким же способом «руководил» Л. М. Каганович и другими работниками Секретариата: т.т. Лазаренко Г. И., Соковых М. Н., Булушевым А. И., Юрковым Д. В., Журавлевым Ф. Н., Жуковским Ч. И., Набобчиковым А. М., Литвиным Я. А. и другими. Все они находились в состоянии постоянного гнетущего страха и его вызовы воспринимали как необходимость идти на заведомые оскорбления.

В 1953 году короткое время зав. Секретариатом был т. Юрков. После него на эту должность был назначен я, несмотря на мое сопротивление, т. к. я знал, что зав. Секретариатом вынужден выносить большую часть всех издевательства Л. М. Кагановича. Через несколько месяцев после назначения начался и мой период «опалы». Повторились все издевательства, которые продельвались на моих глазах с т. Маханько. Также швырялись деловые бумаги на пол с последующим их собиранием, сыпались оскорбления и угрозы выгнать, так, что потом меня никуда не возьмут на работу. Часто ругань начиналась из-за того, что я будто бы гляжу на Кагановича «странными глазами» или «гляжу в сторону». Делались совершенно мне непонятные заявления о том, что он (Каганович) знает, на кого я работаю и т. д. Эти взрывы ненависти и безумного гнева перемешались с периодами сравнительно хорошего отношения, когда преследования Л. М. Кагановича обращались на других работников Секретариата, причем их истязания производились иногда в моем присутствии и производили на меня еще более гнетущее впечатление, чем экзекуции надо мной.

Я с детства знал помощника Л. М. Кагановича тов. Булушева Александра Ивановича. Это был старый коммунист, исключительно мягкий и порядочный в жизни человек. Более чем 15-летняя работа у Л. М. Кагановича окончательно подорвала его здоровье, и он стал часто болеть. Л. М. Каганович, обладая железным здоровьем, никогда не верил, что люди, работающие с ним, могут быть больными. Он считал их симулянтами.

Тов. Булушева он называл симулянтом в глаза, обрушивал на него совершенно дикие и нелепые обвинения в предательстве, обзывал его мефистофелем, старым идиотом и нецензурными прозвищами. Были случаи, когда Каганович кулаком вышибал из рук т. Булушева бумаги и заставлял его — преждевременно состарившегося и больного человека — ползать по полу и собирать их. Кулак, поднесенный к носу т. Булушева — это был один из самых частых и убедительных аргументов Л. М. Кагановича в разговорах с т. Булушевым. Результаты психологической травмы резко сказывались на его здоровье. Я лично 2 раза, спустя некоторое время после таких ужасных сцен, вывозил т. Булушева на носилках в больницу. В 1956 году т. Булушев ушел на пенсию и вскоре умер от прогрессирующей сердечной болезни.

Изуверским издевательствам со стороны Кагановича подвергся и работник Секретариата т. Соковых. Оскорбления и физические методы «воздействия» на него неоднократно доводили его до истерик. Я сам был свидетелем нескольких случаев, когда т. Соковых выходил из кабинета Л. М. Кагановича весь в слезах и с истерическими выкриками о том, что он так дальше жить не может.

В период Вашего, Никита Сергеевич, посещения Индии, когда Л. М. Каганович занимался делами Президиума ЦК КПСС, мои отношения с ним вступили в совершенно нетерпимую фазу. Почувствовав себя полным хозяином положения, Л. М. Каганович совершенно распоясался и издевательства надо мной превратились в ежедневную забаву для него. Я был на грани сумасшествия, экзема распространилась по всему телу, наступил период хронической бессонницы с ночными кошмарами, когда в ползубутья мне мерещилось присутствие Л. М. Кагановича, делающего мне очередное «внушение». Наяву такие «внушения» затягивались на часы и ради них откладывались все дела. Я не выдержал и написал заявление с просьбой освободить меня от работы в Секретариате. Это вызвало взрыв злобы Л. М. Кагановича и обвинения в предательстве. Издевательства продолжались.

Л. М. Каганович разрешил мне уйти с работы в Секретариате только после того, как я решился пойти на прямой обман его. Чувствуя, что он намеревается взять меня с собой в отпуск (декабрь 1955 года), я заявил, что врачи категорически настаивают на моем отдыхе в Карловых Варах. Сам же я провел отдых под Валдаем. По возвращении из отпуска я уже был фактически отстранен от дел. В марте 1956 года я был освобожден от обязанностей зав. Секретариатом Л. М. Кагановича. Он предлагал мне остаться в Секретариате на другой должности, но я категорически отказался, т. к. мое физическое и моральное состояние было чрезвычайно тяжелым.

То, что я написал Вам, Никита Сергеевич, это тысячная доля мерзостей и деспотизма, которые позволял себе Л. М. Каганович с подчиненными ему коммунистами. Того, как он издевался над коммунистами — работниками своей личной охраны, описать невозможно. Он их регулярно бил и превратил в совершенно обезличенных людей. Экзема была профессиональной болезнью людей, окружавших Л. М. Кагановича.

Мы, работники Секретариата, видели, что Л. М. Каганович по-хамски обращается не только с нами. Этой же участи подвергались министры и

8608

ответственные работники курируемых им министерств. Грубость и попреки чувств собственного достоинства советских людей стали основной составной частью «стиля» работы Л. М. Кагановича. Обращал на себя внимание метод решения больших государственных вопросов. Как правило, на заседания приглашался широкий круг работников и этим создавалась видимость широкой коллегиальности в решении вопросов. В действительности, говорил на этих заседаниях почти всегда один Л. М. Каганович. Присутствующие или молчали или должны были поддакивать ему. Всякое несогласие с мнением Л. М. Кагановича вызывало взрывы гнева. Решения фактически принимались Л. М. Кагановичем единогласно и безоговорочно.

Я ушел с работы в Секретариате Кагановича в совершенно подавленном состоянии, совсем потеряв веру в справедливость. Хочу честно заявить, что в то время я и не намеревался сообщать об этих беззакониях кому-либо и скрывал эти факты даже от близких людей. Это моя вина и я ее до конца осознал только сейчас.

Это письмо я пишу Вам, Никита Сергеевич, чтобы дополнить характеристику Л. М. Кагановича в дополнение к фактам, вскрытым Пленумом ЦК.

С глубоким удовлетворением я узнал о своевременном разоблачении антипартийных намерений группы заговорщиков во главе с Маленковым, Кагановичем и Молотовым. Партия и страна избавились от величайшей угрозы снова попасть во власть людей, давно уже фактически переставших быть коммунистами.

Клементьев

3.VII.57 г.

Клементьев Юрий Васильевич — зам. начальника отдела Внешних сношений Министерства морского флота

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

от члена редколлегии «Комсомольской правды», члена КПСС с 1942 года (партибилет № 00195849) Набатчикова А. М.

Никита Сергеевич!

Познакомившись с документами Пленума ЦК КПСС «Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова», считаю своим партийным долгом сообщить Вам о следующем.

В сентябре 1951 года, будучи сотрудником аппарата газеты «Правда», куда был направлен Центральным Комитетом партии после окончания Высшей партийной школы в 1949 году, я был вызван к Л. М. Кагановичу. Л. М. Каганович предложил мне работать у него в качестве заместителя заведующего Секретариатом по Совету Министров СССР. Как я потом узнал, он вызывал нескольких работников «Правды» (т. т. Платковского, Балбекова, Титаренко), предлагая им эту работу. Они были людьми уже немолодого возраста, и он их не взял. К тому же двое из них — Платковский и Титаренко (как они мне потом рассказывали) отказывались. Тогда Л. М. Каганович попросил т. Титаренко назвать ему кандидатуру молодого человека из «Правды» (мне тогда было 30 лет). Был назван я. В беседе с Л. М. Кагановичем я выразил сомнение, смогу ли справиться с такими обязанностями, на что он мне сказал, что ему как раз нужен человек молодой и «критический», в шутку добавил он (я тогда работал заместителем заведующего отделом критики и библиографии «Правды»). Хотя мне и очень трудно было расстаться с журналистикой, которой с юности намеревался заниматься, я, как член партии, решил дать согласие. Колебания мои были замечены Л. М. Кагановичем. Он сказал: «Вы человек молодой. Я Вас пригласил и тем самым партия оказывает Вам огромное доверие. Как же Вы можете колебаться, разве Вы не знаете, кто я? Завтра приходите на работу». Так я оказался в Секретариате у Л. М. Кагановича.

На другой день я пришел на работу. В коридоре здания Совета Министров в Кремле меня встретил мой предшественник полковник Осипов.

876

Мы разговаривались. «Как,— сказал он мне,— Вы с ума сошли?! Как Вы могли дать согласие, Вы же здесь погибнете. Это же деспот. Он Вас замучает. Вы испортите себе жизнь. Как Вы могли дать согласие?..» С таким напутствием я приступил к работе. Прошла неделя. Все шло, как говорится, тихо, мирно. Однажды в час ночи Л. М. Каганович вызывает меня и набрасывается с диким криком, ругается самыми непристойными матерными словами, в глазах какая-то страшная злоба, стучит кулаком по столу:

«Почему не доложили? Министры у меня были? Я баклуши не бью, я всегда занят. Какая сволочь... Идите вон! Это для Вас будет первое боевое крещение...» И все в таком же роде.

Я был ошеломлен и потрясен. Пришел к товарищам в Секретариат, рассказываю об этом тов. К. А. Маханько — тогдашнему заведующему Секретариатом. На что он мне сказал:

«Что Вы, так это же цветочки. Разве то бывает... Вы очередная жертва. Эх, жаль мне Вас, ведь он полгода подбирал помощника, замучил меня. Поэтому, хоть мне и жаль было Вас, я сразу увидел в Вас простую русскую душу и хорошего человека, но что мне было делать? Эх, Александр Михайлович...».

Не буду долго занимать Ваше внимание. Назову только некоторые факты, характеризующие этого человека. Эти факты сразу же привели меня к решению, что надо немедленно уходить. Товарищи мне рассказали, что он физически избивает своих помощников. Он много раз бил кулаками в лицо и грудь заведующего Секретариатом по Госснабу т. Горбачева В. В., старого коммуниста, хорошего русского человека, уроженца из Иваново, бил т. К. А. Маханько — заведующего Секретариатом по Совету Министров СССР, который однажды мне сказал после очередного избиения: «Я сейчас поеду домой, открою камфорки и отравлюсь газом. Больше не могу».

Мне же Каганович не раз говорил, подчеркивал: «Я с Вами обхожусь хорошо, Вы же интеллигент, ну не интеллигент, а интеллигентик еще...»: Но наступила очередь и моя. Накануне XIX съезда КПСС он вечером ни с того ни с сего с диким криком ударил меня кулаком по лицу. Личному терпению и всему тому, что я видел, наступил предел.

Товарищи из Секретариата (это все были хорошие люди, честные русские люди, коммунисты, которые ничего не могли тогда сделать) поддержали меня в моем решении. Тов. Маханько сказал мне: «Уходи, пока еще молодой и пока он окончательно не выбил из тебя все человеческое. Уходи. Пиши заявление. Мне 50 лет, а ты молодой, уходи...».

После окончания XIX съезда КПСС я написал заявление Л. М. Кагановичу с просьбой освободить меня, мотивируя это тем, что я теряю свою журналистскую профессию. Заявление мое тут же было возвращено обратно. Два месяца Каганович меня не вызывал и не отпускал. Работа моя была поручена другому, а я как бы был без «определенных занятий». Это у него считалось одной из форм «морального» наказания. Дважды он справлялся у тов. Маханько, не раздумал ли я, на что тот отвечал, что нет.

В конце ноября 1952 года Л. М. Каганович все же меня отпустил. Отпустил после хорошей беседы, спрашивал, не надо ли мне помочь с устройством на работу. На это я ответил: «Нет, спасибо, я это сделаю сам».

Меня многие товарищи знают и помогут мне». При этих словах он передернулся, но отпустил, сказав: «Когда будет трудно, обращайтесь ко мне. Я Вам помогу. Я еще ни к кому так не относился, как к Вам».

Никита Сергеевич! Я первый раз в жизни увидел, чтобы так унижали и оскорбляли людей, чтобы так относились к коммунистам. Рассказал я только каплю в море. До того тошно все это вспоминать, что и не хочется все это подробно рассказывать, да и Ваше время жалею. Хотел я тогда написать о всем пережитом и виденном т. Сталину, но раздумал. Был ведь Берия, а Каганович подчеркивал свою дружбу с ним. А ведь мы, коммунисты, особенно те, кому пришлось в то время работать в Совмине, понимали, что такое Берия. Подумал, посоветовался дома с женой (а у нас трое маленьких детей) и не стал писать.

В заключение хотел бы сказать, что такого изверга, феодала, самодура, как Кагановича, близко не знающему его человеку трудно даже представить. Как может такой человек принадлежать к нашей святой партии? Ему место было бы только в застенках Гимmlера в роли палача. Это совершенно разложившийся, зарвавшийся человек, утративший не только облик коммуниста, но и нормального человека. Это какой-то сумасшедший психопат, деспот, прикрывавшийся священным званием коммуниста и ради личной карьеры пробравшийся на высокий пост в партии и государстве.

Я глубоко убежден, что Центральный Комитет партии и Вы лично, как первый Секретарь ЦК, сделали великое дело для партии и народа, для нашего ленинского, коммунистического дела, разоблачив таких людей, как Каганович. Бандитам и садистам, карьеристам и авантюристам не место в нашей партии.

А. Набатчиков

3 июля 1957 года